

23 МАРТА 2000 ГОДА

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

А.В. Соловьев (Москва)

Аннотация: В докладе подробно рассмотрены номотетический и идеографический подходы, лежащие в основании выделения основных типов исследования в социальных науках – количественного и качественного. Обсуждается вопрос о специфике человека как объекта исследования.

Ключевые слова: Социальные науки, номотетический, идеографический, сознание, рефлексия.

Известно, что исторически наука выделилась из философии, которая в древности охватывала всю область знаний, доступных человечеству. Первыми формами систематизированного опытного знания были, по-видимому, геометрия и астрономия. Причем обе эти науки вырастали из потребностей практики и носили вначале чисто прикладной характер. Сходным образом, развитие ремесел стимулировало исследование особенностей природных веществ. Потребности сельского хозяйства и медицины двигали вперед биологию как науку о живой природе. За периодом накопления информации в этих областях знания последовал период построения развитой теории, что в свою очередь существенно повысило предсказательную силу этих наук. Период особого расцвета естественных наук приходится на девятнадцатый век, а их успехи подготовили бурный технический прогресс двадцатого века. Наука убедительно продемонстрировала свои огромные возможности в деле познания и преобразования мира, стала ведущим фактором развития современной цивилизации.

Социальные науки обособились от философии и стали активно развиваться в русле эмпирического знания значительно позже – только во второй половине 19 века. Неудивительно, что более зрелые естественные науки задавали определенную модель науки вообще, которой нарождающиеся социальные области познания стремились следовать. Правда, в самом лагере общественных наук разгорелись бурные дебаты по поводу возможности и целесообразности заимствования методов, показавших свою эффективность в исследовании природы – как неживой (физика, химия), так и живой (биология). Приверженцы нового взгляда горячо отстаивали необходимость эмпирического, то есть опытного, подхода к изучению человека как социального существа. В философском плане они выступали как монисты, отстаивающие положение о принципиальном единстве мира и его законов. Отсюда делался вывод об универсальности научной методологии, разработанной и столь успешно применяемой в естествознании.

Сторонники традиционного подхода утверждали, что науки, изучающие человека, имеют дело с реальностью особого рода. С точки зрения гносеологии их следует отнести к представителям дуализма (учения о двух субстанциях). Согласно их взглядам, естествознание имеет де-

ло с материей, подчиняющейся физическим законам. В неживой природе царствует строгий детерминизм: одно явление (причина) с необходимостью вызывает другие (следствие). Поэтому природные явления принципиально предсказуемы. Объектом же изучения наук о человеке выступает своеобразная реальность – дух, требующая к себе особого подхода. Здесь не применимы объективные методы – наблюдение, измерение, эксперимент. Точнее говоря, с их помощью можно фиксировать только внешние проявления духа, наиболее характерным атрибутом которого выступает свобода воли. Физические явления мы объясняем путем указания на их закономерную связь с другими подобными явлениями. Духовная сфера – это совершенно особый (субъективный) мир, который понастоящему познаваем лишь путем сопереживания.

Борьбу двух противоположных точек зрения наглядно иллюстрирует история психологии конца 19 и начала 20 века. Старая психология носила преимущественно умозрительный характер и чаще всего рассматривалась как раздел философии (философия духа). Пионеры эмпирической психологии выступили за превращение ее в опытную науку, то есть науку, использующую наблюдение и эксперимент как основные методы исследования. Правда, такой шаг потребовал радикально пересмотреть вопрос о предмете психологии, отказаться от понятия «душа» как ненаучного и обратиться к изучению внутреннего мира человека через внешние (поведенческие) проявления. Сторонники традиционного подхода утверждали, что психические явления как таковые доступны лишь самонаблюдению (интроспекции). Они в корне отвергали возможность объективной психологии, построенной на принципах и методах, заимствованных из естественных наук.

Не углубляясь в историю, отметим только, что к середине 20 века научный подход в его современном понимании прочно утвердился в социальных науках. Психология, социология, педагогика, экономика и языкознание далеко продвинулись по пути утверждения своего научного статуса и применения строгих исследовательских процедур, включая математические модели. Однако споры относительно методов исследования, адекватных предмету этих наук, не утихают до сегодняшнего дня. И это обстоя-

тельство отражает особый статус человека как объекта научного анализа.

В чем же специфика человека как объекта исследования? Здесь можно выделить несколько моментов. Прежде всего, отдельный индивид или социум – это очень сложные объекты. Конечно, сложность – понятие относительное. Но можно с полным основанием утверждать, что живые существа имеют более сложное строение, чем неодушевленные предметы, что по мере продвижения вверх по эволюционной лестнице происходит усложнение внутренней организации; что человек как вершина биологической эволюции устроен никак не проще своих животных предков, что общество – это чрезвычайно сложная система отношений между людьми. Разумеется, и те явления, с которыми имеют дело естественные науки далеко не просты. Потребовались века, чтобы более или менее полно изучить их природу. Задача значительно усложняется, когда мы переходим к анализу социальных явлений. Поэтому не удивительно, что социальные науки стали развиваться позже, чем естественные, и не достигли еще той степени зрелости, которая свойственна последним.

Существует прямая связь между сложностью внутренней организации системы и сложностью ее поведения. Сложность строения характеризуется количеством элементов и богатством связей между ними. Одной из наиболее сложно устроенных систем является мозг человека. Он содержит несколько десятков миллионов клеток, соединенных между собой многочисленными отростками в гигантскую нейронную сеть. Не удивительно, что человек демонстрирует такое разнообразие поведения, обладает таким огромным потенциалом усвоения знаний и выработки практических умений. Другим примером чрезвычайно сложно организованной системы является человеческое общество, состоящее из громадного числа индивидов, связанных друг с другом множеством разнообразных связей. Ясно, что психолог, социолог, экономист или историк имеют перед собой объекты, поведение которых весьма трудно досконально изучить и исчерпывающе описать. Поведение людей находится под влиянием очень многих факторов (внешних и внутренних) и поэтому подвержено значительным вариациям. Поэтому его так трудно прогнозировать. Закономерности, которым оно подчиняется, носят вероятностный характер. А это значит, что любые утверждения в этой области можно делать лишь с определенной степенью уверенности. Максимум, на что здесь можно рассчитывать – это объективно оценить достоверность наших прогнозов.

Поведение людей невозможно понять во всей его полноте без учета разнообразных факторов, которые в совокупности образуют то, что обозначают как социальный контекст деятельности. Пытаясь «снять» сложность за счет строго контроля условий проведения опыта, мы тем самым создаем артефакт, то есть нарушаем есте-

ственность протекания изучаемых процессов. Строгость оборачивается потерей экологической валидности. Мы оказываемся перед дилеммой: либо, ради научности, отвлекаться от всей реальной сложности, искусственно упрощать ситуацию, либо пытаться изучать явления в естественной ситуации, хорошо понимая, что это сопряжено с громадными, часто непреодолимыми, трудностями. К этой проблеме социальных исследований мы еще вернемся.

Поведение человека всегда активно. Это означает, что он избирательно относится к воздействиям извне. В этом пункте поведение человека существенным образом отличается от поведения физических объектов, которые только реагируют на внешние воздействия и причем строго определенным образом. Активность поведения и избирательность реагирования живых существ как бы изымают их из жестких причинно-следственных отношений действительности. Одни и те же внешние стимулы вызывают разные реакции животного в зависимости от его состояния. Например, сытое животное ведет себя совершенно иначе, чем голодное. Поэтому адекватное описание поведения живого существа предполагает учет множества как внешних, так и внутренних факторов.

В отличие от животных, у человека имеется сознание, и это еще больше усложняет всю картину. Сознание можно определить как особый регулятор поведения, основанный на использовании внутренней речи. Включение сознательной регуляции означает удлинение цепочки опосредствующих элементов между внешним воздействием и поведенческим ответом на него. В ситуации выбора человек обычно вначале мысленно проигрывает возможное развитие событий, оценивает различные исходы с точки зрения их субъективной значимости и лишь затем принимает решение о конкретной тактике своего поведения. Например, в определенных пределах человек способен усилием воли тормозить некоторые свои непосредственные реакции, сдерживать внешние проявления своих чувств. Поведение не является прямым выражением непосредственных внутренних побуждений. Только человек способен обманывать или притворяться.

Характерным моментом сознания выступает рефлексия – способность посмотреть на себя как бы со стороны, глазами другого человека. Каждый человек не только контролирует свое собственное поведение, но также интерпретирует поведение других людей в терминах их мотивов – явных или скрытых. В ситуации, когда человек оказывается объектом исследования, этот механизм неизбежно дает о себе знать. Известно, что каждый из нас ведет себя в обществе других людей не совсем так, как наедине с самим собой. Факт присутствия другого человека уже изменяет поведение. Тем более ошутим подобный эффект, если мы знаем, что кто-то наблюдает за нами. Ясно, что ситуация значительно отличается

ся от той, когда объектом наблюдения выступает неодушевленный предмет.

Сознание человека формируется под влиянием объективных условий существования, но само при этом играет активную роль в детерминации поведения. Поэтому социальные науки имеют дело с системами, которые непрерывно изменяются. Более того, сами знания о человеке и о социуме, усваиваемые отдельным индивидом или целым сообществом людей, способны выступать факторами изменения поведения. Снова перед нами явление рефлексии – тот механизм, который в теории систем получил название «обратная связь». Проиллюстрируем это примерами. Если ребенку постоянно твердить, что он бездарь, то его самооценка и учебная мотивация действительно окажутся сниженными, а в результате успехи тоже будут не на высоте. Если экономисты предсказывают дефицит какого-то товара, то обеспокоенные потребители начинают лихорадочно его скупать и делать запасы, что в свою очередь приводит к обострению дефицита. Примеры можно продолжать. Все они указывают на динамический характер поведения отдельных индивидов и целых социальных групп.

Мир сознания – это внутренний мир человека. В него нельзя проникнуть прямо. О внутренних состояниях человека можно судить лишь косвенно – либо путем наблюдения за внешним поведением и соответствующей его интерпретации, либо путем обращения к самоотчету – к той информации о себе самом, которую человек сообщает с помощью речи. Оба эти источника информации не вполне надежны. Далеко не все компоненты внутреннего опыта непосредственно проявляются в невербальном поведении. Да и речь не всегда способна выразить все оттенки чувств. Кроме того, даже если человек готов откровенно делиться с нами своим опытом, нет полной гарантии, что он сам вполне адекватно его осознает. Короче говоря, какой бы путь сбора информации о человеке мы ни выбрали, нам не избежать принципиальных трудностей в плане ее смысловой интерпретации.

Несколько слов о самонаблюдении и характере информации, получаемой с его помощью. В истории психологии вопрос о месте, которое интроспекция (самонаблюдение) призвана занять среди прочих методов исследования, был тесно связан со спорами о природе психического. Представители умозрительной (интроспективной) психологии считали, что предметом этой науки является сознание, понимаемое как содержание субъективных переживаний индивида. Ясно, что при таком подходе ведущим, если не единственным, методом становится самонаблюдение. Более того, субъект и объект исследования оказываются совмещенными в одном лице. Это противопоставляет психологию другим наукам, которые имеют дело с объективной реальностью, лежащей вне познающего субъекта.

Так называемая объективная психология, возникшая в противовес традиционной умозри-

тельной психологии с ее интроспективным подходом к изучению сознания, с самого начала поставила цель изучать поведение людей и определяющие его внутренние процессы строгими научными методами. Главными методами всякой опытной науки являются наблюдение и эксперимент. Новая психология провозгласила себя экспериментальной наукой и стала активно заимствовать методы исследования, разработанные в смежных дисциплинах, например, в физиологии органов чувств. Вначале исследователи ограничивались экспериментальным исследованием элементарных познавательных процессов – восприятия, внимания, памяти. Но затем были разработаны экспериментальные методы изучения мышления, воображения, личности, структуры межличностных отношений.

Какое место в современной экспериментальной психологии отводится самонаблюдению как методу исследования? Он оказался низведенным до уровня вспомогательного метода. Кроме того, его данные больше не считаются абсолютными. Подобно любым другим данным они нуждаются в проверке и в интерпретации. Более того, совершенно ясно, что информация данного рода подвержена различного рода искажениям. В целом современная психология оценивает возможности самопознания путем самосозерцания («копания в себе») весьма скромно. Во-первых, психическая деятельность вовсе не ограничивается только содержанием сознания. В конце двадцатого века каждый человек, хоть немного знакомый с психологией, знает, что существует сфера бессознательного, не доступная самонаблюдению. Во-вторых, было убедительно показано, что, даже если в каких-то отношениях мы знаем себя лучше, чем кто-либо иной, в других отношениях мы судим о себе очень односторонне и предвзято. Механизмы психологической защиты, хорошо изученные психоаналитиками, мешают нам составить о себе совершенно объективное представление.

Итак, вырисовывается следующая картина. С одной стороны, социальные науки стремятся использовать те методологические принципы и приемы анализа, которые выработаны и с успехом применяются в области естествознания. С другой стороны, специфика предмета исследования, которую мы только что попытались обозначить, заставляет ученых-гуманитариев постоянно оценивать степень их адекватности собственным задачам, пытаться выработать особую методологию исследования, в максимальной степени отвечающую как нынешней фазе развития научного знания в данной области, так и природе изучаемых процессов.

Общий подход к построению системы научного знания, выработанный современным естествознанием, носит название позитивизм (от слова «позитивный» – то есть «положительный» в смысле «базирующийся на опыте»). Выше мы уже касались некоторых его особенностей, когда рассматривали классическую парадигму научного знания и вытекающие из нее приемы иссле-

дования. В порядке резюме попробуем еще раз кратко их сформулировать.

Позитивизм исходит из того представления, что все многообразие реальности сводимо к некоторым достаточно простым и универсальным закономерностям, которые существуют объективно и в принципе познаваемы. Задача науки – исследовать окружающий мир и открывать его законы. Знание законов природы позволяет лучше ориентироваться в мире и преобразовывать его в желательном для людей направлении.

По своему духу рассматриваемый подход оптимистичен. Он проникнут верой во внутреннюю гармонию мира и в безграничные познавательные возможности человека. Сложной и противоречивой действительность представляется нам только в своей непосредственности, а по сути, в ней царит глубокая внутренняя логика, которая, правда, нам не всегда понятна в силу ограниченности наших знаний.

В плане конкретной методологии позитивизм отвергает любые умозрительные построения и требует, чтобы каждое научное положение можно было проверить эмпирически (верифицировать). В этом смысле проводится четкая грань между сферой науки и теми идеями, представлениями или мыслительными конструкциями, которые лежат за ее пределами. Другими словами, наука базируется на фактах, а факт – это то, что можно непосредственно проверить, в чем можно убедиться на практике.

В стремлении к точности описания фактов и надежности предсказаний позитивная наука придает большое значение измерению. Известный афоризм, хорошо выражающий дух позитивизма, гласит: «Цель науки – измерять то, что можно измерить; и сделать измеримым то, что пока таковым не является». Как всякий афоризм, эта формула слишком категорична и однобока. На самом деле, измерение – это не конечная цель научного исследования, а лишь средство достижения требуемой точности и строгости. Но само стремление чрезвычайно характерно для рассматриваемого подхода. Недаром идеалом научной теории для чистых позитивистов выступает такое знание, которое может быть представлено в математической форме. Другой известный афоризм, по сути своей очень близкий к первому, звучит так: «Во всякой науке столько науки, сколько в ней математики».

Помимо только что рассмотренного, в социальных науках широко используется также принципиально другой подход, известный под названием феноменология. Он ставит своей целью не столько раскрытие каких-то универсальных закономерностей, сколько доскональное исследование и описание некоторых целостных явлений (феноменов), значимых с точки зрения общественной жизни. Типичные примеры такого вида исследований дает историческая наука. Изучая какое-то историческое событие, историк собирает, анализирует и интегрирует факты, относящиеся к нему. Он воссоздает его внутреннюю картину, а также тот общий исторический

контекст, на фоне которого оно развивалось. Как правило, само событие при ближайшем рассмотрении оказывается неким процессом, состоящим из элементарных событий, определенным образом связанных друг с другом. Историк прослеживает эти связи, раскрывая тем самым внутреннюю логику процесса. Результатом такого анализа выступает картина события в его целостности: (а) условия, подготовившие его возникновение; (б) основные действующие лица, их стратегия и тактика; (в) исход события – новая расстановка сил, сложившаяся вследствие всех происшедших перемен.

Другим примером феноменологического анализа может служить биография. Изучение жизни какого-то выдающегося человека, будь то политический деятель, естествоиспытатель или художник, предполагает сбор объективных сведений (фактов), характеризующих его жизненный путь, и, кроме того, выявление наиболее значимых событий как чисто личного, так и общественного плана, оказавших влияние на судьбу человека, его мировоззрение и направленность деятельности. Хорошо написанная биография воссоздает картину эпохи как фон, на котором разворачивается активность людей, но одновременно представляет конкретного индивида во всем его своеобразии. Биографию можно написать в разном стиле. На одном полюсе расположены биографии, написанные в манере строгого исторического анализа, на другом – литературные произведения, созданные на биографическом материале. Между ними трудно провести отчетливую грань. Наука и искусство здесь как бы смыкаются, переходят незаметно друг в друга.

Является ли феноменологический анализ вообще научным методом? Ответ на этого вопрос зависит от того, что понимать под наукой, какой концепции науки придерживаться. С точки зрения «жесткой» научной парадигмы, законченным воплощением которой выступает позитивизм, феноменология стоит ближе к обычному здравому смыслу, чем к науке с ее строгой методологией. Сторонники «мягкой» парадигмы справедливо указывают, что в погоне за методологической строгостью позитивисты слишком сужают рамки науки, исключают из ее сферы многие проблемы, которые представляют практический интерес.

В свете того, что было сказано выше о специфике предмета исследования в социальных науках, оправданным представляется известный методологический плюрализм, за который ратуют многие современные теоретики. Там, где это возможно, следует стремиться к максимальной научной строгости и доказательности в духе позитивизма. Однако исследования феноменологического плана тоже имеют свой смысл. Во-первых, они дают какой-то, пусть предварительный, ответ на вопросы, порождаемые практикой. Во-вторых, корректно проведенные, они готовят почву для прогресса нашего знания, для расширения сферы точной науки. Ведь, если смотреть

исторически, многие проблемы науки сначала были поставлены достаточно умозрительно, и лишь затем под них был подведен строгий научный фундамент в виде опытного знания. В-третьих, в некоторых дисциплинах, таких как история, этнография, языковедение, искусствоведение, они образуют основной тип анализа.

В методологии социальных наук довольно часто тот подход, который мы рассматривали как позитивистский, дается также под названием номотетический, а противоположный подход, который мы описали под рубрикой «феноменология», обозначается как идеографический. Если подходить строго, то эти специальные термины даже предпочтительнее, так как они носят чисто технический характер, в то время как понятия «позитивизм» и «феноменология» относятся к целым философским школам со своими внутренними течениями и разновидностями.

Номотетический (от греческого слова «номос» – закон) подход ставит своей целью открытие устойчивых и универсальных закономерностей протекания процессов. Изучение конкретных случаев выступает лишь как первая фаза на пути к этой цели. Исследователь ищет те общие моменты, которые присутствуют в однородных явлениях. При этом он отвлекается от целого ряда случайных (преходящих) обстоятельств. Точнее говоря, с помощью анализа (мысленного разложения объекта на составляющие его элементы) и абстрагирования (отвлечения случайных вариаций) исследователь приходит к выявлению существенных (устойчивых и повторяющихся в данных условиях) моментов. Другими словами, он открывает законы, определяющие протекание естественных процессов. Знание законов, в свою очередь, открывает путь к предсказанию возможного хода развития событий (прогнозированию) и управлению этим процессом.

Под законом в науке обычно понимают констатацию факта устойчивой связи между явлениями, предсказание обязательного возникновения некоторого состояния при выполнении определенных условий. Например, один из наиболее известных физических законов гласит, что все тела при нагревании расширяются. В нем фиксируется связь между температурой тела и его объемом. Утверждается, и данное положение можно проверить эмпирически, что путем нагревания или охлаждения можно изменять размеры предметов в определенных пределах. Причем, подобный опыт можно проводить сколько угодно много раз. Поэтому нагревание с полным основанием считается причиной наблюдаемых изменений величины. Правда, сами изменения столь малы, что чаще всего они улавливаются только с помощью специальных приборов.

Выше было отмечено, что закономерности, с которыми имеют дело социальные науки, как правило, носят вероятностный характер и не могут быть сформулированы в такой категорической форме, как законы математики, физики или химии. В этой области справедлива поговорка

«нет правил без исключений». Однако это вовсе не означает, что знание такого рода бесполезно. Просто сами правила должны применяться с большей осторожностью. Решения чаще всего базируются на учете целого комплекса условий, а гарантия успеха никогда не бывает стопроцентной. Учитывая это обстоятельство, наука предлагает методы объективной оценки степени риска, учит нас находить оптимальные решения в ситуациях, где связи между явлениями не носят строго детерминированного характера. Как гласит другая поговорка: «исключения подтверждают правило».

Идеографический (от греческого слова «идеос» – особенный) подход не претендует на широкие обобщения. В этом случае берется какое-то явление, интересное само по себе, и ставится цель изучить его как можно более исчерпывающе. Естественно, что само явление в этом случае представляет собой некое сложное образование, имеющее определенную внутреннюю структуру. Анализ такого типа обычно называют системно-структурным. Он предполагает выделение в системе базовых элементов, а также анализ характера существующих между ними связей. Основной акцент делается не на универсальные, а на специфические моменты, на раскрытие их смысла, то есть роли, которую они играют в жизнедеятельности индивида, группы или организации.

Идеографический подход не претендует на исчерпывающее и объективное описание определенной области реальности. Сам исследователь здесь не отходит на задний план, а непосредственно включен в процесс интерпретации получаемых сведений, отбора наиболее значимой информации, увязывания отдельных деталей друг с другом. Образующаяся картина может быть несколько фрагментарной и в известной мере субъективной, но она близка к жизни и не нуждается в особых комментариях. Исследователь, работающий в таком ключе, оказывается сродни журналисту, который не ограничивается описанием изолированного случая, а поднимает какую-то социально важную проблему. Точнее говоря, публицистика, включающая в себя развернутый исследовательский компонент, часто тесно смыкается с литературой научно-популярного жанра.

Для лучшей обзримости представим характерные особенности двух подходов в табличной форме:

Подход	Номотетический	Идеографический
Идеология	Позитивизм	Феноменология
Фокус	Экстенсивный (вширь)	Интенсивный (вглубь)
Характер данных	Объективные	Субъективные
Методы сбора	Структурированные	Неструктурируемые
Методы анализа	Количественные	Качественные
Проблемы	Валидность	Сопоставимость

Мы подробно рассмотрели суть номотетического и идеографического подходов, поскольку этот параметр образует главный критерий для выделения основных типов исследования в социальных науках – количественного и качественного. Отметим, что эти подходы представляют собой как бы идеальные типы и довольно редко встречаются в чистом виде. Чаще всего можно говорить о преобладании того или другого, о ведущем подходе. Тогда в целом вырисовывается континуум методов, где две рассмотренные идеальные модели выступают как полюса, между которыми располагаются промежуточные или гибридные формы.

Литература

1. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология: Учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 1997.
2. Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования. - Томск: НИИПЗ, 1988.
3. Bailey K.D. Methods of Social Research. 4th ed. - N.Y.: Free Press, 1994.
4. Creswell J W. Research Design: Qualitative and Quantitative Approaches. - Thousand Oaks: Sage, 1994.

RESEARCH STRATEGY in SOCIAL SCIENCES

A.V. Solovjov (Moscow)

The summary: In the report are detailed considered nomothetical and ideographic approaches laying in the basis of allocation of the basic types of research in social sciences - quantitative and qualitative. The question on specificity of the man as object of research is discussed.

Key words: Social sciences, nomothetical approach, ideographic approach, consciousness, reflection.

ФИКСИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ НА УРОВНЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ГРУППОВЫХ СИСТЕМ

Г.В. Залевский (Томск)

Аннотация: В докладе дается определение фиксированных форм поведения; рассмотрены разные концептуальные попытки объяснения их сущности и причин возникновения: филогенетическая, психопатологическая, биоэнергетическая, кибернетическая, психоакциональная (структурно-уровневая) и др. Раскрывается возможность соотношения представленности психической ригидности в структуре личности со структурой фиксированного поведения (нарушенных отношений между его целью и средствами).

Ключевые слова: Фиксированные формы поведения (ФФП), новый и старый опыт, филогенез, эволюционно-биологический смысл, акциональный подход, психическая ригидность-флексильность, структура личности.

Я, пожалуй, начну свои размышления с того, что каждому человеку приходится оказываться в условиях столкновения опыта прошлого и опыта нового, причем нередко – очень для него болезненного. Этот момент выступает в качестве индикатора того, насколько человек готов отказаться от старого, ставшего неэффективным, опыта, который раньше служил ему верой и правдой. Судить же о мере этой готовности можно по особенностям проявления того, что я обозначаю как фиксированные формы поведения (ФФП).

Остановимся на понятии ФФП, уточнив, прежде всего, как мы понимаем составляющие его термины. Это очень важно, так как и работа нашей Школы по-

казала, что нередко тот или иной термин в психологии тянет за собой шлейф ассоциаций, что ведет, в свою очередь, к взаимному непониманию и тому, что немецкие психиатры в приложении к клинике обозначили как «Vorbeisprechen» – симптом «мимоговорения».

Но и вне клиники проблемы взаимонепонимания между обычными людьми, а в науке – между учеными, нередко обусловлены терминологическими трудностями. Ими нередко объясняются и темпы научного прогресса.

Итак, начнем с термина «формы». С ним проще всего разобратся и договориться, так как он не вызывает, как мне кажется, больших разногласий. Скажу

